

участвовали в культуре Европы весьма активно и творчески. Таков приблизительно был путь и России, хотя здесь в первую очередь религиозные барьеры довольно долго препятствовали ее включению в развитие новой европейской культуры. И все-таки постепенно развивавшиеся контакты, приглашение иноземных строителей, поездки русских купцов и дипломатов в Западную Европу, возникновение в самой Москве немецкой слободы создали уже в течение XVI в. прочный субстрат для будущих реформ Петра Великого. Заметим, что и здесь значение поворотного пункта имело начало книгопечатания, как важнейшего средства интеллектуальных коммуникаций, преодолевавших косность конфессиональной разобщенности и предрассудков.

¹ Обсуждению этой проблемы посвящены «круглые столы» Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени (в МГУ, 4 сент. 1992 г.) и Института мировой истории РАН (28 сент. 1992 г.). Краткое изложение выступлений см.: Бюллетень всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. № 2. М., 1993. С. 6—19, 19—21.

² Барг М. А. Общественно-экономическая формация в свете нового исторического знания // СВ. Вып. 55. М., 1992. С. 31.

³ Там же. С. 37.

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986. С. 104—107.

⁵ Меньше всего в этом повинны основоположники марксизма: достаточно вспомнить в свое время постоянно цитировавшееся у нас место из рукописного предисловия Энгельса к «Диалектике природы», где, несмотря на известную путаницу в терминах и фактах, дается очень образная и в основном бесспорная характеристика эпохи и ее значения (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 508).

⁶ Burke P. Culture and Society in Renaissance Italy. London. 1972 (2 ed: 1974). Немецкий перевод несколько дополненного текста см.: Burke P. Die Renaissance in Italien. Berlin, 1984.

Ю. П. МАЛИНИН, Д. А. КОЦЮБИНСКИЙ

РАННИЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ЕГО ФЕОДАЛЬНЫЕ ИСТОКИ

Феномен капитализма невозможно осмыслить вне средневековой социально-экономической эволюции, равно как оценить последнюю можно, лишь ориентируясь на капитализм как ее результат.

Что следует понимать под капитализмом и где искать его истоки? Считать ли по-прежнему его сутью определенный способ производства и сводить проблему капиталистического становления к возникновению новых форм организации производства и оформлению соответствующих производственных отношений? Насколько вообще господствующая в нашей научной и учебной литературе марксистская теория капитализма и его генезиса отвечает современному уровню исторических знаний и потребностям исторической науки. Как нам представляется, в данном случае палицо сильное несоответствие. Теория дает недопустимо одностороннее, тенденциозное толкование исторического процесса. Чтобы понять это, рассмотрим те положения марксистской теории, которые имеют непосредственное отношение к проблеме становления капитализма и в то же время являются основополагающими для теории в целом.

Главной особенностью марксизма является то, что он утверждает абсолютный примат производства над всеми остальными сферами социально-экономической жизни. Торговля по отношению к производству сугубо вторична и исторически преходяща: она является порождением товарного производства и вместе с ним должна уйти в небытие. Исторический прогресс общества обеспечивается развитием производительных сил, эволюция же торговли при этом является следствием развития производства, и влияние торговли на него марксистская теория мало принимает в расчет.

Наиболее ярко такой подход проявляется в марксистской концепции капитализма, при котором товарно-рыночные отношения достигают апогея своего развития. По Марксу, суть капитализма, как и любой другой формации, — в уровне развития производства и характере производственных отношений. Торговля же и рыночные отношения — это прежде всего средство реализации прибавочной стоимости (поэтому и предполагалось, что с уничтожением частной собственности и эксплуатации торговли как форма обмена должна исчезнуть).

Сразу же подчеркнем, что с точки зрения как истории, так и экономики, такое соотношение производства и торговли представляется крайне несправедливым. Дело в том, что хотя торговля и возникла исторически позже, чем производство, она, появившись и набрав силу, стала выступать в роли мощного стимулятора и организатора производства.

Если обратиться теперь к хорошо известной Марксовой теории первоначального накопления капитала, которая призвана объяснить предпосылки возникновения капитализма, то в ней можно четко выделить два кардинальных положения: экспроприацию крестьян и ремесленников, благодаря которой создавался слой потенциальных наемных рабочих, и накопление денежных средств, которые могли быть обращены в капитал.

Генезис капитализма при этом представляется как процесс развития капиталистических форм производства (мануфактура, ферма), главным признаком которых является эксплуатация свободного наемного труда. Процесс этот обусловлен ростом производительных сил (совершенствование техники и технологии в промышленности, сельском хозяйстве, мореплавании и др.), а также наличием упомянутых предпосылок капитализма, создаваемых первоначальным накоплением. При этом рост производительных сил представляется объективным законом, имманентно присущим человеческой истории и действующим благодаря столь же имманентно присущему человеку стремлению ко все более полному удовлетворению своих материальных потребностей.

Однако история общества с древнейших времен до наших дней не подтверждает исходных посылок этой теории. Во-первых, нет никакого ни биологического, ни социального закона, по которому человеческие потребности должны возрастать. А во-вторых, рост производительных сил также не составляет всеобщего объективного закона. Он действовал и действует не всегда и не везде, поэтому если мы наблюдаем в том или ином обществе такой рост, то он требует не умозрительно-теоретического, а конкретно-исторического объяснения.

Несомненно, что зарождение и развитие капитализма в Западной Европе сопровождалось невиданным доселе ростом производительных сил. Но если не считать этот рост результатом действия некоего объективного и всеобщего закона, то что же тогда явилось его причиной?

Совершенно ясно, что непосредственной экономической причиной подъема производительных сил на Западе, начиная с классического средневековья, и главным условием зарождения капитализма явились торговля и рынок. Именно торговля обеспечивала расширение товарного ассортимента и провоцировала рост и диверсификацию потребностей, что, в свою очередь, стимулировало развитие производства как в плане его технической оснащенности и организации, так и в плане специализации. Мануфактура, а позднее и фабрика появились и развились как раз потому, что европейская торговля обеспечивала им чрезвычайно емкий и постоянно растущий рынок сбыта продукции. Не будь такого рынка, не было бы никакого смысла ни в повышении производительности труда, ни в совершенствовании его организации, ни, в конечном итоге, — в наращивании товарной массы. И не было бы тогда никакого капитализма.

Но торговля, как известно, существует издревле. И издревле же она в той или иной степени стимулировала производство. Однако для появления капитализма необходим был количественно и качественно особый уровень торговли. Прежде всего следует заметить, что это торговля, осуществляемая

профессиональным купцом, выступающим в роли посредника между производителем и потребителем. Рынок, где нет посредника и где обмен совершается между потребителем и производителем непосредственно, — это примитивный рынок, не способный оказать на производство заметного активизирующего воздействия. Он, в принципе, может обойтись и без денег как средства обмена.

Что касается Западной Европы, то ее прочно связанная со странами Передней Азии и Восточной Европы торговля получила к XVI в. необычайное развитие. Благодаря своей высокой рентабельности заморская торговля (прежде всего с Левантом) стала важнейшим фактором экономического роста, предопределившим интенсивные поиски новых морских путей на Восток, что в конечном счете привело к Великим географическим открытиям. Стоит подчеркнуть, что эти открытия и последовавшая за ними колонизация были прежде всего купеческой акцией, и именно купечество обеспечило ей успех. В результате сложилась уникальная историческая ситуация: впервые в истории стал складываться в полном смысле слова мировой рынок, где европейскому торговцу и предпринимателю принадлежала решающая роль. Это и стало первым, основным условием зарождения европейской капиталистической промышленности, получившей практически безграничный рынок сбыта своей продукции.

Нельзя сказать, что К. Маркс прошел мимо этого важнейшего обстоятельства. Напротив, в «Капитале» он замечает, что «мировая торговля и мировой рынок открывает в XVI в. новую историю капитала»,¹ имея в виду, что мировой рынок обеспечил подъем производства и вызвал к жизни капиталистические формы его организации. Однако, исходя из идеи полного примата производства над обменом и выделяя в качестве главного признака капитализма эксплуатацию свободного наемного труда, он переносит центр тяжести генезиса капитализма на первоначальное накопление, не делая из упомянутого наблюдения никаких концептуальных выводов. Для него принципиальное значение имели экспроприация крестьянства и накопление денег, поскольку именно они создавали необходимые условия для появления капиталистической эксплуатации. Но какое отношение к капитализму имело на самом деле так называемое первоначальное накопление капитала?

Согласно логике этой теории экспропрированным нечем существовать, кроме как продажей своей рабочей силы, и они неизбежно должны искать работодателя. Но это чисто умозрительная и фиктивная посылка, ибо нищие и бездомные спойно существовали, не нанимаясь на работу, как существуют нынче клошары и бомжы, отнюдь не обивая порогов бирж труда. Более того, нищенствуя, а когда воруя и грабя, они за-

рабатывали гораздо больше, чем могли получить за свой труд. Поэтому им мануфактура была не нужна, и когда с XVII в. стали строить рабочие дома — эти специализированные мануфактуры для экспроприированных, то их туда загоняли силой и держали под стражей. Но нужны ли они были мануфактуре? В том-то и дело, что нет. Или, по крайней мере, нужны в столь небольшом количестве, в каком их было предостаточно задолго до XVI в. Мануфактуре необходимы были не они, а высококвалифицированные ремесленники. Эта квалифицированная рабочая сила была малочисленной, стоила дорого и являлась объектом конкурентной борьбы между предпринимателями. Что же касается накопления денежных средств как второй стороны первоначального накопления, то деньги, естественно, были необходимы, чтобы основывать мануфактуры. Но если отвергнуть причастность процесса экспроприации к раннему капитализму, то положение о накоплении денег само по себе оказывается тавтологией.

Итак, своим генезисом капиталистическое хозяйство обязано прежде всего необычайно высокому уровню развития торгового, а также банковского капитала в Западной Европе. При этом необходимо учитывать не только количественную сторону процесса, но также и новые формы организации торгового-кредитной деятельности: появление товарных и фондовых бирж, совершенствование организации торговых компаний. Признав же главным экономическим фактором становления капитализма беспрецедентный размах западной торговли, логично искать причины именно этого явления, а не углубляться в проблемы крестьянской экспроприации.

В свое время Ф. Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» писал: «В самом деле, турецкое, как и всякое другое восточное господство, несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности».² Он совершенно справедливо указал, что развитие торгового капитала, а в итоге и становление капиталистического производства невозможны без определенных правовых гарантий неприкосновенности частного лица и его собственности от посягательств со стороны власть имущих. Такое условие было налицо лишь в средневековом западноевропейском обществе, все же прочие современные ему общества таковым качеством не обладали.

Западный купец обеспечил себе относительную личную и имущественную неприкосновенность в ходе так называемого коммунального движения, охватившего Запад в XI—XII вв. В итоге появился вольный феодальный город с полным или частичным самоуправлением. Будучи в той или иной мере пеза-

висимым от феодального сеньора, он гарантировал определенную неприкосновенность личности и имущества членов городской общины. В Англии, где у всех городов был общий сеньор (король), борьба за такие гарантии вылилась в создание парламента, который взял на себя функцию их обеспечения в общегосударственном масштабе. Важно отметить, что вольный город — явление характерно западное, прочие средневековые общества его практически не знали.

Почему же возник вольный город, ставший колыбелью последующего социально-экономического прогресса? Как это ни парадоксально, на первый взгляд, он возник вопреки и в то же время благодаря феодальным сеньорам. Вопреки — поскольку вольный город родился в борьбе с ними. Благодаря — потому что именно класс феодальных сеньоров первым выработал для себя систему политико-правовых норм, которые обеспечивали известную личную и имущественную неприкосновенность перед лицом вышестоящих сеньоров, в том числе и короля. Вступая на путь борьбы со своими сеньорами, города стремились добиться для себя тех же прав, что были у сеньоров. И, добываясь их, они становились также феодальными сеньорами, но коллективными. Иными словами, у западного города имелся готовый образец политико-правовой организации, ориентируясь на который он смог на вполне законном основании и с немалой выгодой для себя вписаться в социально-политическую структуру феодального общества.

Вольный город был плотью от плоти феодализма, и, таким образом, проблема раннего капитализма, и капитализма вообще, оказывается тесно связанной с проблемой феодализма. Ибо именно феодализм создал благоприятные политико-правовые условия для экономического развития, которое в конце концов привело к возникновению капиталистического хозяйства. И здесь встает наиболее важный для средневековой истории вопрос о сущности феодализма, который, как и в случае с капитализмом, обращивается для отечественной историографии вопросом о научной приемлемости марксистской концепции. Не вдаваясь в детали этой проблемы, поскольку работа посвящена все же генезису капитализма, заметим лишь, что традиционный подход к ней, при котором в феодализме в первую очередь выделяется его социально-политическая и правовая суть, представляется гораздо более предпочтительным, нежели марксистский взгляд на него как на социально-экономическую формацию. Хотя бы потому, что с позиции социально-политического устройства феодального общества открывается ясная перспектива его эволюции. Ясным становится и возникновение вольного города, и динамика его хозяйственного и культурного развития, к чему аграрный строй имел лишь дальнее и косвенное отношение.

Города, однако, встали на путь борьбы за свои права и

свободу не только потому, что они видели, как сеньоры обрели эти права. Важно то, что горожане были глубоко проникнуты тем же правосознанием, или, выражаясь языком той эпохи, сознанием «своего права». Вообще понятие «своего права» является поистине ключевым для психологии средневекового западного человека. Оно очень емко и охватывает все, что принадлежит человеку, начиная от его имущества и кончая теми или иными правами публичного характера. Ранее всего это правосознание пробудилось и оформилось у знати во времена, когда шло становление феодализма. Для нее же право — это прежде всего ее доля власти, которая единственно могла обеспечить социальный престиж и богатство. Но власти со всеми ее атрибутами такой, которая передается по наследству, ибо только в этом случае она становилась своей, «своим правом», как сундук с ценностями, боевой конь или оружие. Утвердившись в этом своем праве в результате феодализации публичной власти, знать подала соблазнительный пример для других слоев общества, одержимых теми же чувствами и желаниями. Напомним, что, помимо городов, в борьбу за свое право вступили рыцарство, крестьянство и церковь. Суть клюнийского движения среди духовенства и борьбы церкви за инвеституру состояла не в чем ином, как в жажде обрести свою свободу от светской власти и «свое право».

Вся средневековая общественно-политическая мысль несет на себе глубокую печать частного права. «Каждому свое законное право», — вот своего рода девиз эпохи.³ Культивировавшийся на Западе социальный идеал справедливости, мира и порядка представлялся достижимым, с одной стороны, благодаря выполнению каждым человеком главной христианской заповеди о любви к ближнему, а с другой — при условии неприкосновенности своего и чужого права. При этом и любовь к ближнему нередко трактовалась в категориях права. Так, известный французский юрист XIII в. Филипп де Бомануар, составитель «Кутюмов Бовези» утверждал, что правовые обычаи нужны потому, что они помогают соблюсти божью заповедь о любви к ближнему «Поэтому, — писал он, — нам кажется, что мы принесем большую пользу, если трудом своим... дадим ближним книгу, по которой они смогут узнать, как отстаивать свое право и избегать своей вины», под которой подразумевалось ущемление чужого права.⁴ Социальный порядок мыслился как порядок правовой, и роль королевской, как и всякой другой политической власти, сводилась преимущественно к охране права всех членов общества.

Необходимо подчеркнуть, что право западного феодального общества призвано было оградить личность и собственность человека не только от посягательств со стороны частных лиц (это являлось функцией права любого цивилизованного общества), но и от покушений на них со стороны сеньориальной и

королевской власти. Городские вольности в том и состояли, что они четко ограничивали судебные и фискальные права сеньоров, в том числе и королей, по отношению к городским общинам. Ведь именно фискальные устремления политической власти оказывались неодолимым препятствием для успешного развития торгово-предпринимательской деятельности. И в тех случаях, когда государственная власть брала верх и слишком явно подавляла частное право (как это было, например, в ряде княжеств Германии, в Испании и в некоторых итальянских государствах с XVI в.), экономическое движение в сторону капитализма сходило на нет. Там же, где абсолютистским амбициям государственной власти оказывалось достаточно действенное сопротивление со стороны различных классов общества, прежде всего дворянства и буржуазии, и где эффективно функционировали политические институты, защищавшие частное право, развитие капиталистического хозяйства шло по нарастающей. По существу ранний капитализм получил оптимальный простор для роста лишь в Голландии и Англии, особенно после того, как благодаря первым революциям нового времени, которые имели преимущественно антиабсолютистскую направленность, там были созданы наиболее твердые гарантии соблюдения частноправовых интересов.

Немаловажно отметить, говоря о развитии европейской торговли в средние века, еще и то, что на Западе довольно рано купечество обретает сильное самосознание своей значимости, а торговля становится престижным занятием. Несомненно, в этом свою роль играло не только богатство купечества, но и власть, которую оно обрело в условиях вольных городов. Наиболее ярко это проявилось в культуре итальянского Ренессанса, но сколь удивительно и пророчески задолго до этой эпохи звучат слова парижского философа XII в. Гуго Сен-Викторского, писавшего о торговле, что «благодаря ей люди проникают в тайны мира, посещают неведомые берега, открывают жарские пустыни и завязывают отношения с варварскими народами, узнавая неизвестные еще языки. Занятие ею примиряет народы, гасит войны, утверждает мир и обращает на общую пользу частное благо».⁵

О капиталистическом хозяйстве как сложившейся экономической системе можно говорить лишь применительно к тому времени, когда на смену мануфактуре пришло фабрично-машинное производство, что случилось, как известно, в XIX в. Появление этого производства было бы невозможно не только без высокого уровня развития мировой торговли, но и без необходимых научно-технических достижений. По классической марксистской схеме научно-технический прогресс предопределяется все тем же законом развития производительных сил и составляет часть этого развития. Действительно, поскольку современная наука зародилась и долгое время развивалась

именно на Западе, легко может создаться иллюзия, будто причиной тому было возникновение и развитие капиталистического уклада. В пользу этого свидетельствует вроде бы и то, что совершенствование орудий труда и прикладных знаний протекало в тесной связи с нуждами производства. Однако параллельно этому и независимо от производства происходило развитие знаний сугубо теоретических, смысл которых состоит в познании истины, а не в повышении эффективности производства. Не будь этой теоретической науки, прикладная и техническая наука, которая имеет дело с чувственно воспринимаемыми вещами, очень быстро бы исчерпала свои потенции. Она, возможно, смогла бы без поддержки теории создать паровой двигатель, но самостоятельно дойти до применения электрической энергии — никогда.

Здесь хочется заметить, что для марксистской социологии вообще свойственна явная недооценка, а то и пренебрежение к человеческому интеллекту и психологии в целом как важнейшим факторам исторического развития. В этом отношении марксизм резко порвал с древней традицией европейской исторической мысли. Ведь она, начиная с античных времен, имела отчетливую этико-психологическую ценностную ориентацию и объясняла события разного порядка в конечном счете нравственно-психологическими особенностями и качествами человека. Эту же традицию продолжает и современная западная наука, представляющая, правда, психологию существенно иначе, чем прежде, а именно — как социально обусловленную и исторически развивающуюся сферу человеческого бытия, чрезвычайно важную потому, что действие всех возможных факторов исторического развития непременно преломляется через социальную психологию, и поэтому она так или иначе лежит в основе любых событий человеческой жизни и в наиболее концентрированном виде выражает их суть.

Марксизм же, порывая с данной идейной традицией, изначально был ориентирован на физиологию. Его высшие ценности — материальное производство, производительные силы и производственные отношения — это то, что обслуживает физические, первичные потребности человека (пища, одежда, кров), обеспечивая его физическую безопасность и продолжение рода. Даже во взгляде на сущность человека физиология постоянно доминирует над психологией. Человек — это прежде всего производительная сила, но сила по преимуществу физическая, прилагаемая к орудиям труда. Поэтому именно физический труд и занятые им классы постоянно выводятся на авансцену истории как ее творцы. Остальные общественные классы при этом оказываются в той или иной степени паразитирующими на их труде, поскольку важность иных видов труда и социальной деятельности сильно принижается перед лицом производства материальных благ.

Итак, интеллектуальная жизнь общества всегда была автономной по отношению к материальному производству, и связь между ними гораздо более сложная и разнообразная, нежели зачастую представляется. И говоря о развитии западной науки, без которой был бы невозможен капитализм, как и вообще вся современная цивилизация, истоки ее нужно искать, конечно, не в производстве, а в особенностях интеллектуального творчества и его организации в средние века. По этому поводу мы ограничимся указанием на одну особенно важную и очевидную отличительную черту западной научной жизни. Это — университет, вольная ученая корпорация. Как и вольный город, университет — явление исключительно западноевропейское. Он отличается от разных учебных заведений в других обществах прежде всего тем, что это самоуправляемая, вольная школа, живущая по своему праву, а потому минимально зависимая от внешних влияний и давлений. Свою волю и право университеты, как и города, были готовы отстаивать всеми средствами, вплоть до сецессии, как сделал это однажды Парижский университет, перебравшись в Англию. Если вольный город породил рыночное хозяйство, то университету принадлежит великая заслуга в появлении на свет западной науки, ибо сколь ни схоластична была средневековая университетская наука, и сколь ни консервативны бывали университеты в XVI—XVII вв., от них не отнять того, что именно они еще в средние века создали ту атмосферу свободного интеллектуального поиска, без которой человеческая мысль задохнулась бы раньше, чем оказалась способной заложить основы науки нового времени. И свобода эта, как и в случае с городами, была обеспечена правом, университетскими вольностями.

Подведем теперь кратко итоги. Капитализм как исторический феномен возник благодаря счастливому сочетанию ряда условий, сложившихся именно в западном средневековом обществе. Из них в первую очередь хочется выделить политико-правовую систему феодализма, которая обеспечивала высокие гарантии частного и корпоративного права. Именно благодаря этому смогло получить развитие городское рыночное хозяйство, а одновременно с ним и наука. Необходимо также напомнить, что эта система породила сословное представительство, прямым наследником которого стала представительная организация власти в буржуазных государствах нового времени. Если попытаться определить, что такое капитализм, то наиболее кратко и выразительно это можно сделать, кажется, представив его как общественный строй с тремя этими отличительными доминантами — рыночной экономикой, представительной системой управления и наукой. Все они, подчеркнем еще раз, обязаны своим происхождением феодальному обществу Западной Европы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, Ч. 1. С. 364.

² Там же. Т. 22. С. 33.

³ Rice W. H. Deux poems sur la chevalerie // Romania, 1954. Т. 75, N 1. P. 70.

⁴ Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis / Ed. A. Salmon. Т. 1. Paris, 1899. P. 20.

⁵ Hugonis de S. Victore Didascalicon // Patrologia latina / Ed. Migne. Т. 176. Col. 761.

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЭВОЛЮЦИИ СЕЛЬСКОГО ПЛЕБСА В РАННЕМ ВИЗАНТИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Необходимость уяснения социальной структуры и эволюции ранневизантийского плебса особенно важна в связи с той большой ролью, которую он играл в хозяйственной и социально-политической жизни ранней Византии по сравнению с Западной Римской империей.¹

Разумеется, проблема сословия плебеев, особенно если учесть его многочисленность, — одна из важнейших и связана с общественно-политической устойчивостью в ранней Византии, немаловажным фактором сохранения которой была позиция плебейских кругов, разных их групп и прослоек. Проблема сословия плебеев для ранней Византии более сложна, чем для Западной Римской империи, поскольку в Византии свободное население как в городе, так и в деревне было более многочисленным, а стало быть, и более многослойным. Е. М. Штаерман справедливо отмечает большую многослойность городского плебса по сравнению с сельским для Римской империи в целом.²

На материале памятников позднеимперского и ранневизантийского права, Кодексов Феодосия и Юстиниана, мы рассмотрим эволюцию сельского плебса; попытаемся выявить и охарактеризовать значимые этапы его внутреннего развития во взаимосвязи с изменениями, происходившими в социальной структуре ранневизантийского общества.³

Прежде всего следует заметить, что нормы юридических источников могут не вполне быть адекватны существовавшим социальным отношениям, но все же они правильно отражают общее направление эволюции крестьянских хозяйств и изменения в экономическом и социальном положении аграриев, в частности такой их категории, как сельский плебс.